

Дни культуры Израиля в Петрозаводске

Болеслав Ятвецкий
Государства Израиль. Интерес, проявленный к этому мероприятию петрозаводчанами, продемонстрировал изменения, произошедшие в российском обществе за последнее время. Необходимо отметить, что договоренность о проведении Дней культуры Израиля была достигнута во время визита в Петрозаводск летом этого года первого секретаря посольства государства Израиль в Российской Федерации, Главы представительства в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе, г-на Болеслава Ятвецкого на встрече с главой Республики Карелия Сергеем Катанандовым.

Благодарность Юрию Суворову

В подготовке и проведении Дней приняли участие Министерство культуры и по связям с общественностью РК, Министерство РК по национальной политике и связям с религиозными объединениями, еврейская община города.

В Национальной библиотеке

С 1 по 3 декабря прошли Дни культуры Израиля в Петрозаводске, приуроченные к 60-летию Независимости Государства Израиль. Интерес, проявленный к этому мероприятию петрозаводчанами, продемонстрировал изменения, произошедшие в российском обществе за последнее время. Необходимо отметить, что договоренность о проведении Дней культуры Израиля была достигнута во время визита в Петрозаводск летом этого года первого секретаря посольства государства Израиль в Российской Федерации, Главы представительства в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе, г-на Болеслава Ятвецкого на встрече с главой Республики Карелия Сергеем Катанандовым. В подготовке и проведении Дней приняли участие Министерство культуры и по связям с общественностью РК, Министерство РК по национальной политике и связям с религиозными объединениями, еврейская община города.

В рамках Дней состоялась встреча Болеслава Ятвецкого со студентами ПетрГУ, КГПУ, Петрозаводского

филиала Северо-западной Академии госслужбы, прошедшая в помещении Петрозаводского университета и организованная доцентом кафедры истории университета Юрием Суворовым. Б. Ятвецкий кратко рассказал о современном Израиле, его достижениях, показал небольшой видеоролик об Израиле. Студенты активно включились в диалог, задавали интересующие их вопросы, на которые получали исчерпывающие

ответы, и в зале установилась непринужденная дружелюбная атмосфера.

В Национальной библиотеке РК была открыта экспозиция литературы, подаренной библиотеке Израильским культурным центром Санкт-Петербурга. Книги об Израиле, современная израильская литература, учебники Открытого уни-

верситета Израиля - все это теперь доступно читателям, интересующимся или изучающим современный Израиль.

В рамках Дней в Краеведческом музее РК открылась выставка "Древние карты Израиля", спонсированная уже в Санкт-Петербурге и Калининграде. Директор музея Михаил Гольденберг тепло приветствовал гостей в зале Дворянского собрания.

На открытии выставки «Древние карты Израиля»

Интервью

верситета Израиля - все это теперь доступно читателям, интересующимся или изучающим современный Израиль.

В рамках Дней в Краеведческом музее РК открылась выставка "Древние карты Израиля", спонсированная уже в Санкт-Петербурге и Калининграде. Директор музея Михаил Гольденберг тепло приветствовал гостей в зале Дворянского собрания.

Андрей Минин

Фарид Фадеева

В эти же дни прошел фестиваль израильских фильмов. Три совершенно не похожих друг на друга фильма - "Бофор", "Секреты", "Авива, любовь моя" - показали, что современный израильский кинематограф освобождается от внешних влияний, приобретает свой собственный неповторимый стиль. С приветствиями выступили министр РК по национальной политике и связям с религиозными

объединениями Андрей Манин, заведующая отделом мэрии Петрозаводска Фарид Фадеева. Перед заключительным фильмом фестиваля с кратким обзором израильского кино выступил заведующий отделом министерства РК по национальной политике Виктор Бирин.

Хочется надеяться, что эти Дни культуры Израиля в Петрозаводске - начали настоящего диалога культур, духовно обогащающего всех участников.

Бен Гирш

ישראל

ISRAEL

60-летие Государства Израиль

БЕСЕДА 6.

Йосеф Хаим Бреннер.

Йосеф Хаим Бреннер - фигура в ивритской литературе особая, его трагическая смерть - арабы зверски убили его во время погрома на Песах 1921 года в Яффе - придала ему черты великомуученика. Поэтому на Бреннера мы имеем гораздо больше свидетельств современников, чем о каком-либо другом писателе, и в нашей сегодняшней беседе будут то и дело звучать эти слова.

Однако начать мне хочется автобиографической справкой Бреннера из письма приятелю от конца июля 1909 года (перевод с иврита):

"В элите нынешнего, 1909, года, в 17 день месяца, мне исполнится двадцать восемь лет. Я родился в местечке Новые Милны Черниговской губернии Сосницкого уезда. Имя моего отца - раби Шломо сын раби Шмуэль; имя матери - Хах Рейз, дочь Йосефа Хайма (оба они люди бедные, простые, труженики). До 15-16 лет я проводил время в иешивах (бейт-мидрашах) в разных местах. Потом прибыл в Гомель и там изучил русский и стал читать русскую литературу и европейскую. Из живущих людей, оказавших на меня большое влияние, думаю, надо назвать Гильеля Цейтлина. В конце лета 1900 года я выпустил книгу "В мрачной юдоли" в издательстве "Утиша", а зимой до того напечатал в журнале "А-Мелли" свой первый очерк "Кусок хлеба". В армии я прослужил два с четвертью года. Затем приехал в Лондон (я уже был обучен ремеслу наборщика) и несколько лет проработал там в типографии. Там я почти два года выступал "А-Меорер". В Галиции я выпустил два номера "Ревивим". Сейчас я в Иерусалиме, печатаюсь в "А-Позла-а-цир" (приписано и зачеркнуто): склонность к писательству проявилась во мне очень рано. Трижды терпелись у меня все мои рукописи. Первый раз еще в иешиве, их спрятал один ученик под горячим сенем бейт-мидраша со стороны улицы; как-то утром я встал и увидел, как чужие люди работают там и чинят порог, а моих рукописей и след простыл. Расспрашивать и расследовать я боялся, тем более, что это все равно бы не помогло. Во второй раз: когда меня забрали в армию, я оставил все свои рукописи и много интересных дружеских писем у одного человека в Белостоке, и однажды он, опасаясь полицейского обыска, ск же все мои бумаги, хранившиеся в его доме. Все рукописи и письма, которые напакопились у меня с того времени и вплоть до побега из России, кроме того, что было опубликовано, - пропали в третий раз, когда меня схватили и держали под арестом по фальшивым документам, пока я снова не скажал".

Я позволила себе привести столь длинную цитату, чтобы показать, насколько субъективен писатель в оценке своей судьбы, и как глубоко трафировало его вский раз утраты рукописей, даже совсем незрелых, - и это на фоне таких жизненных испытаний, как царские казармы, содержание в тюрьмах, побег и нелегальный переход государственной границы. Однако вернемся к началу и рассмотрим все по порядку.

Итак, Йосеф Хаим Бреннер родился 11 сентября 1881 г (17 элула) в нищем еврейском местечке Новые Милны Черниговской губернии. Местечко располагалось на берегу реки Сейм, притока Десны, и по переписи 1897 года насчитывало 3298 жителей, в том числе 349 евреев. На иживление отца Бреннера - рядового меламеда - было восемь душ. Ницета, ощущаемая не только как физический гнет, но и как моральное унижение, с детства терзала душу Йосефа Хайма. Первые уроки он получил в хедере, под плеткой вечно недовольного меламеда, хотя был прилежным мальчиком и быстро усваивал материал. В не-полных 13 лет был отдан в иешиву в Гомеле, где продержалась полтора года и откуда был исключен за интерес к светской культуре. Принимая во внимание его способности из синкогдения к набожному отчу-хасиду, его рекомендовали в другую иешиву, из второй - в третью, и так далее. Повсюду он попадал в немилость из-за свободомыслия и неудобных вопросов, ставших учителей в тупик и требовавших больших знаний и более широкого подхода к жизни, чем их догматическое мышление.

Пятьнадцать лет отроду, он оказался в местечке Почен Черниговской губернии и тут подружился с семьей раввина Иехшу-Натана Гесинса и его сыном Ури-Нисаном. Любивший его раввин поощрял литературные устремления Бреннера, сына и еще одного из его соучеников, Гершона Шофмана. Отроки открыто выпускали рукописные журналы на иврите "Обезьяна" и "Цветы". И Гесин, и Шофман со временем стали, как Бреннер, замечательными ивритскими писателями. Там, в Почене, Бреннер пристрастился к чтению светской ивритской и идишской литературы, утратил религиозную веру вообще и мечтал о том, чтобы вырваться из косного, как ему казалось, местечкового мира, зарабатывать физическим трудом и получить общее, т.е. нееврейское, образование.

В 1897 году он приехал в Белосток, город на польской территории России, где 80% населения составляли евреи, занимавшиеся ткачеством и текстильной промышленностью по преимуществу. Однако Бреннер на фабрику не пошел, а выучился у своего родственника мастерству сойфера и кое-как перевивался продажей написанных им мезузот и тфилин. Но главное - он учился: в иешиве у всех, кто был готов поучать, а больше всего - самому себе, по книгам. Тогда-то он открыл для себя Льва Толстого и Достоевского. Расставшись с иудаизмом, Бреннер нашел себе новую "религию" - толстовство, практике которой не изменял до последних дней: сделался вегетарианцем, идеяным сторонником опрощения (что при его всегдашней бедности было легко) и помощи ближнему, а также сексуальными аскетом, полагавшим, что интимная близость возможна только в браке по обоюдной любви.

Достоевский показал Бреннеру пример литературы, сосредоточенной на глубинных движениях человеческой души, матущейся и матежной, ищущей и терзаемой, что было созвучно внутренней душевной организации Бреннера, а также поразил его литературным стилем, которому Бреннер старался подражать во многих своих художественных произведениях. Я пронилюстрировал сибирскую, насыщенную логическими противоречиями и эмоциональными всплесками манеру письма Бреннера

отрывком из рассказа "Наедине с собой" из курса Открытого университета "Ивритская новелла начала XX века". Это рассказ о молодом русском еврее, который живет в Лондоне - автобиографическая деталь - и не нашел своего предназначения в жизни, а потому все настойчивее помышляет о самоубийстве:

"Он прикрывает створку окна и тяжело опускается на стул. Все муки, унижения и обиды, выпавшие на его долю, всплывают в памяти. Особенно те, что он испытал здесь, в этом странном, безумном городе. Ради того только, чтобы избавиться от этих мыслей, стоит умереть. Нет, не подобает человеку быть рабом этого безобразного бытия! Недавно Шепилович сказал ему: "Что поделаешь?..". Тяжко повелось в этом мире. Если человек хочет преобразовать свою жизнь, он должен..." Фу, что за неценные слова! Преобразовать жизнь... Он, Китин, во всяком случае, ничего не должен... Он прощается и уходит...

Что это?.. Стучат?.. Нет... А даже если да... Похоже, все-таки стучали... Но разве не должен он притвориться спящим, ведь ему необходимо выполнить свое обещание... Неужели теперь? (Хрестоматия, с. 178.)

Бреннер не задержался в Белостоке, с 1897 по 1902 его беспокойная душа металась в неясных ему самому поисках между Печенем, Гомелем, Варшавой и тем же Белостоком.

"Зайди в убогую сионистскую библиотеку Гомеле (всего одна комната!), там найдешь Бреннера. Он выдает книги для чтения, заводит разговор с каждым пришедшим и агитирует за сионизм. Бреннер - на идише называется горящий. Сионистом он сделался после того, как побывал в Бундесе", - вспоминают о том периоде Гильель Цейтлин, поэт и публицист, упомянутый Бреннером в автобиографии как человек, сильно на него повлиявший.

Но какую бы идеологию ни примерял на себя Бреннер, в одном он был убежден твердо - он должен быть еврейским писателем. И он писал и отсыпал свои рассказы в редакции газет и журналов. Признали его не сразу, но когда в 1900 году в Варшаве вышла его первая книга, многие полюбили его и с легкой руки писателя старшего поколения Давида Фришмана стали называть "еврейским Горьким".

В 1903 году Бреннера призвали на военную службу и отправили в Орел. Основным впечатлением от казарм были "виши, ругань, самоуправство фельдфебеля". Физической выносливостью и проворством он не отличался, и отношение солдат к ждущему было грубым и пренебрежительным.

С началом Русско-Японской войны (январь 1904 - август 1905) Бреннер решил, что если его пошлют на фронт, он убежит: роль сражающегося солдата была несовместима с его жизненной философией. Он ухитрился бежать из казарм и поселился без документов у приятеля в Орле. Однако Орел находился вне зоны оседлости, и при очередной полицейской облаве его, не имеющего вида на жителя, посадили в кутузку. Тюремное заключение, пересыпки по этапу, как и прежний опыт казарм, - это позднее нашло отражение в его творчестве: Бреннер, кажется, принадлежал первенству в разработке этих тем в ивритской литературе. С помощью друзей Бреннеру удалось бежать из тюремы, и он перешел на нелегальное положение. Не найдя единомышленников в еврейских политических кругах, он вместе с контрабандистами покинул Россию и перебрался в Лондон.

Бреннер приехал в Лондоне с апреля 1904 по февраль 1908 года. Еврейский квартал города - он назывался Вайтшип - населяли в основном выходцы из России, искатели счастья и те, у кого были основания избегать встреч с российскими властями. Квартал освещался газовыми и электрическими фонарями. Одни из навещавших его тогда евреев вспоминали:

"Бедные еврейские юноши проживали в комнатах, не имеющих водопровода, над дворами, куда сбрасывались лишенные

отходы и всякий сор, так что вонь стояла страшная. Утреннее омовение лица и руки совершалось у фонтанчика, а полотенце служило пола кафана. Английские полицейские изредка направляли связи переднесенного электрического фонаря в лицо прохожим - для порядка. На улице Commercial Road, в доме напротив Kings Hall, в окне второго этажа стояла дощечка, на которой значилось: "Библиотека Гершля-Норда". Там можно было найти издания на иврите и идише, в том числе ежемесячник "А-Шиллох", где с марта по декабрь 1903 года печаталась повесть Бреннера "Зимой".

И в этой повести, как часто у Бреннера, один из героев - Ирма Файертшейт - былписан автором с себя (файер - это огонь на идише). Вот как отозвался о ней сам Бреннер в одном из писем к другу (на переводе из иврита):

"Мне явилась жизнь безобразная, отвратительная, и такой я ее описывать... Может быть, мне не достает таланта, чтобы ухватить и вывести из самой глубинной жизни мучительное отчаяние монх сомневающихся героев?.. А может быть, дело в том, что наш иудаизм утратил прежнее содержание, устарел, авой сердцами у него нет? А может, и вправду бродим мы, не разбрив пути, воображаем миро грех? У людей, подобных Фрайерман, нет опоры в реальной жизни; я просто вынужден был бросить его посреди зимней дороги, снега и стужи..."

Бреннер снова создал образ "тулуша", характерного для той эпохи еврейского лицинного человека, о котором мы говорили в предыдущих беседах.

Цикл радиолекций "Российские евреи - ивритские писатели"

Д-р Зоя Конельман (Иерусалим)

Говорили мы и о том, как коснулась евреев Первая русская революция. После опубликования 17 октября 1905 года царского манифеста, вспыхнули погромы, которые начались 29 октября и длились месяцами, охватив 600 населенных пунктов. В целом было убито более 800 евреев, среди них в апрельском погроме 1906 года в Симферополе погибла любимая девушка Бреннера Хава Вольфсон. "У меня сестру убили", - сказал он много месяцев спустя товарищу, а его лондонская квартирантка хозяйка запомнила, как, получив известие о гибели "невесты", он заперся в комнате и просидел несколько дней, отказываясь от посетителей и от пищи.

Еврейская пресса умолкла. И тогда, в обстановке боли и отчаяния, появилась на свет точенья зеленая тетрадочка нового ежемесячника на иврите "на-Меорер", т.е. "Пробуждающий". Два человека стояли за ней - создатель, автор, наборщик и корректор, Йосеф Хаим Бреннер, и его верный помощник Иеошуа Радлер. "Ноевые ковчегом еврейского слова в яростных и прикованных волнах погромов" назвали это издание современники. Непосильным трудом над выпусками "на-Меорера" Бреннер старался заглушить свое горе.

Значение "на-Меорера" переоценено невозможно. Он продержался меньше двух лет - не было денег, но Бреннер сумел сплотить вокруг своего детища лучшие литературные силы, особенно молодые. Он настойчиво обращался к поэтам и писателям, призывающим их послать в журнал свои произведения не ради славы или гонорара и не ради возможности выхода в массовому читателю - всего этого у Бреннера не было, - а именно вопреки ситуации. Знаменитый бреннеровский девиз "вопреки всему", был подхвачен сионистами в Эрец-Израиль и не одно десятилетие помогал им преодолевать обстоятельства и отчаяние.

Мне хочется процитировать повесть Бреннера "Вокруг точки", где обрисовано пестрое еврейское общество, по большей части сознательно русифицирующееся, и в оппозиции к нему - близкий автору герой Абрамсон (имя скобирательное, означающее потомок Авраама). Из этой цитаты проясняется жизненная позиция Бреннера, а также один аспект конфликта произведения - культурно-национальный, который окрашивается в грустные тона все стороны жизни героя, в первую очередь, лишает его возможности быть любимым:

"Допустим, Ева Исааковна (на самом деле это, конечно, не так), но допустим, что моя сочинения имеют объективное значение, и что я могу написать что-нибудь интересное и для русских. Допустим также, что мне широко раскроются объятия русской литературы, общих журналов (еврейских писателей в общей литературе ведь немало, слава Богу!). Или, скажем, что я мог бы написать свою статью "О еврейском творчестве" и на русском языке и напечатать в русско-еврейском издании. Хорошо! Говоря правду, у меня совершенно нет читателей... Гм... я проболталась, но - пропала! Так и быть: теперь у меня совершенно нет читателей-циентелей, но на русском языке хотя их тоже не было бы (ведь известно, что русско-еврейская литература тоже не читается), но, по крайней мере, в потенции могло быть, ибо это всем понятный живой язык. Хорошо! На настоящее время, Ева Исааковна, я уверен, вы не читаете русско-еврейской литературы, но допустим, что вы зантересовались бы моей статьей, отсыкли бы ее и прочли. Да, это возможно! Пусть так! Не скрою от вас: мне это было бы очень приятно! Да, это было бы хорошо... Но тут, видите, для меня весь вопрос этот странный, непонятный, - Абрамсон говорил раздраженно, обиженно, - я ведь еврей и пишу по-еврейски для евреев!" (Антология ивритской литературы 19-20 веков в русских переводах, с. 232.)

Словами эти кажутся мне актуальными и сегодня. Ева Исааковна - юная девушка, которую глубоко любят Абрамсон, но между ними нет взаимопонимания, у них нет общих идеалов, и потому им не суждено быть вместе. И снова бросается в глаза сибирский характер, но допустим, что вы зантересовались бы моей статьей, отсыкли бы ее и прочли. Да, это возможно! Пусть так! Не скрою от вас: мне это было бы очень приятно! Да, это было бы хорошо... Но тут, видите, для меня весь вопрос этот странный, непонятный, - Абрамсон говорил раздраженно, обиженно, - я ведь еврей и пишу по-еврейски для евреев!" Достоевская?"

После Лондона Бреннер уезжает в Галицию, во Львов, а в начале 1909 переселяется в Палестину. Он пробовал обрабатывать землю, но дело не пошло, и скоро он перебрался в Яффу, в квартал Неве-Цедек, где жили тогда многие еврейские писатели, в том числе и из "блаженской плеяды". (Сейчас там, на площади Созлан Делаль, воспроизведена на керамической стене фотография четырех из них: сидят седобородый Александр Зискин Рабинович и молодой Шмуэль Йосеф Агнон, между ними стоит Давид Шимонович - Шимони, а сбоку словно притулившись - Йосеф Хаим Бреннер). Здесь Бреннер женился, здесь родился у него единственный сын - Ури Нисан, названный так в память о недавно умершем друге Ури Нисан Гесине. Брак продержался недолго: сплетни, зависть и непородичность соседей привели к тому, что жена забрала у него сына и уехала. Бреннер доживал свой зеленый один. Он много помогал начинающим авторам, учил их осваивать литературный иврит, инициировал несколько издательских проектов, в том числе журнал на иврите "Земля". В этом журнале в 1920 году были опубликованы первые, очень своеобразные переводы поэм Блока "Двенадцать" с не менее необычными комментариями Бреннера, касавшимися и отношения поэта к революции, и его эстетического новаторства.

Бреннер выступал также и как литературный критик, и как романист - его роман "Сиротство и поражение", кажется мне одним из самых трагических произведений на иврите. Бреннером выполнен первый перевод на иврите "Преступления и наказания" Достоевского, изданный посмертно, - как было сказано в самом начале нашей беседы, в пасхальный день 1921 года арабы зарезали Бреннера у него на квартире на окраине Тель-Авива.

(Продолжение. Начало в № 120 - 124)

На подступах к роману Томаса Манни «Иосиф и его братья»

Уже сорок лет я читаю и перечитываю тетралогию Томаса Манна "Иосиф и его братья" - это романы "Былое Иакова", Юный Иосиф", "Иосиф в Египте" и "Иосиф-королев". А все началось с того, что я не смог одолеть довольно большой Пролог к тетралогии: это сорок страниц. Я, конечно, знал, как труден для чтения вообще Томас Манн, а этот Пролог тогда, в 1968 году, не разгрывал. Тогда я был буквально в столбняке, а теперь спокойно могу объяснить: в то время я был очень слабо библейский начитан... Слава Б-гу, что не отбросил всю книгу, а только - Пролог. А когда закончил чтение всех четырех романов Тетралогии - а они величиной с "Войну и мир", то есть, более тысячи шестисот страниц (?), - только после этого с грехом пополам одолел тот невозможной Пролог. Такая вот не вдохновляющая история чтения. А теперь не проходит и года, чтобы я не перечитывал какие-то части тетралогии, а то и все это громадное писательское сооружение Томаса Манна, такое мудрое, такое крайне нужное мне. Я не фэнзи лучшими литературными вариациями на темы первой книги Торы, на темы Берешит-Бытие... Даже на балтийских пляжах города Лиепая в 1970 году эта вещь Томаса Манна была со мной. Потом зимой я замечал между страниц тончайший балтийский пляжный песок...

А ранней осенью 1984 года в писательском доме творчества в Дубултах я познакомился с переводчиком "Иосифа и его братьев" - с Соломоном Константиновичем Аптом. Я хорошо помню осень того года после смерти моего старшего брата, известного литературоведа Моисея Гина. Я тогда буквально огорчился этим известием Соломона Апта. Мое знакомство с Аптом было, конечно, довольно поверхностным, но я и прежде знал, что он ученый-классик, полиглот, не только выдающийся переводчик, но и замечательный писатель - его же зеэлевский "Томас Манн" одна из лучших книг об этом писателе.

Я наивно ему сказал, что в том издании 1968 года мне не хватало комментариев. Соломон Константинович удивленно посмотрел на меня и резко бросил: - Слава Б-гу, что вышло после Шестидневной войны...

Да, приходится удивляться, что такое творение проскочило сквозь тупую, политизированную и антисемитскую советскую цензуру. Но последствия были: больше новых собраний сочинений Томаса Манна в советские годы не было после того известного десятитомника 1959 - 61 годов. Рассуждали официальные советские круги, видимо, так: теперь невозможно выпустить собрание сочинений писателя без уже опубликованного на русском языке романа "Иосиф и его братья". И простое решение: не надо никаких собраний сочинений Томаса Манна...

Соломон Апт семь лет трудился над очень непростым по стилю романом-тетралогией "Иосиф и его братья". И только позднее я узнал из опубликованной переписки Веры Пановой и Александра Твардовс-

кого, сколько усилий приложил Апт, чтобы опубликовать свой перевод.

Вера Панова писала Твардовскому: "Конец 1961 г. принес мне счастье: я прочла (в рукописи) только что переведенные две книги тетралогии Томаса Манна об Иосифе. Это великое и удивительное произведение. Не зная его, нельзя и в половину оценить, что представляет собою Манн... Повторю, читать это - высокое счастье. Я сейчас начала ее перечитывать и вторично испытываю то же наслаждение".

Замечательный прозаик Вера Панова погордилась буквально восторгом с Александром Твардовским, который был не только настоящим поэтом, но в те годы и редактором незабываемого "Нового мира". Возможно их слово, их авторитет и помог появиться-пробиться роману Томаса Манна.

Теперь надо подумать над тем, почему Томас Манн обратился к книге Бытие, к истории Иосифа и его предков. Сам писатель об этом рассказал. Дело в том, что Томас Манн как правило о всех своих значительных и крупных произведениях позднее рассказывал-описывал, как возникли их замысел и как они писались.

Подростком, рассказывал Томас Манн, он увлекался Древним Египтом. На занятиях в гимназии учитель спросил, как древние египтяне называли своего бога быка. Томас Манн поднял руку и ответил: Хапи. Учитель оборвал его и сказал: Апис... Дисциплинированному немецкому гимназисту не хватило храбрости сказать, что древние египтяне называли быка Хапи, а Апис - это греко-римская транскрипция.

В двадцатые годы известного и знаменитого писателя Томаса Манна один немецкий художник попросил написать предисловие к его альбому. И весь альбом тот - это рисунки об Иосифе библейском. Не знаю, написал ли Томас Манн предисловие, но открыл свою старую семейную Библию - и не просто зачитался, а на пятнадцать лет погрузился в этот прекрасный, мудрый и неповторимый мир. Было это в 1926 году. И тогда же написал тот самый Пролог, который стал камнем преткновения для меня...

Но мне этого рассказа о замысле "Иосифа и его братьев" мало. Я хочу оглянуться на прошлое Томаса Манна, особенно на годы его во время первой мировой войны, когда писатель был одержим националистическими настроениями, вылившимися в публицистическую книгу "Размышления аполитичного". Мы с вами не знаем такого Томаса Манна и книгу эту не читали. Она до сих пор не переведена на русский язык. Долго и трудно выходил писатель из этого состояния. Помогла работа над романом "Волшебная гора". И это для меня не совсем полный ответ. Что происходило в двадцатые годы в Германии, и особенно было заметно в Мюнхене, где жил Томас Манн? Поднимал голову фашизм, нацизм. Заметил все это и Лиона Фейхтвангер и резко против нацизма написал в романе "Успех", который вышел в конце двадцатых годов, за несколько лет до прихода Гитлера к власти.

В эти же годы полным ходом идет работа над "Иосифом и его братьями". И Томас Манн решил нацистской бесчеловечной и жестокой мифологии противопоставить библейский мир, то есть поведать, как рождалось человеческое, очень человеческое в человеке - и, повторюсь, на материале, если можно так сказать, истории библейского Иосифа и его предков. В первую очередь среди них надо назвать Авраама и отца Иосифа Иакова.

Томас Манн в докладе об "Иосифе и его братьях" отмечал: "Написать роман о духовном мире иудейства было задачей весьма своеобразной..." И тогда же он пояснил, что ему внушили "... глубочайшее отвращение ... бредовые идеи расового превосходства, которые являются главной составляющей частью созданного на потребу черни фашистского мифа". И еще писал Томас Манн, что в его "книге миф был выбит из рук фашизма..."

И прежде чем обратиться к этой "песне о человечестве", как сам писатель называл свою тетралогию, начну с того трудного и пространного Пролога.

Пролог состоит из десяти глав. Вот как начинается первая глава: "Прошлое - это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным?..."

После долгих и глубоких рассуждений о прошлом, о древности Томас Манн обращается к Аврааму, пишет о его Б-ге, "над чьим образом трудился его дух". И добавляет: "Силой, заставившей его сняться с места, была тревога дутой главы Пролога Томас Манн заговорил о "празднике повествования". Как хорошо, как точно сказано! Это ведь о книге Берешит, о книге Бытие. Да, мы никогда не перестанем радоваться этому бессмертному празднику повествования, который открывает нам первую книга Торы!

И последний большой абзац Пролога (они у Томаса Манна все большие...) начинается так:

"Итак, без боязни вниз! Разве мы собираемся прыгнуть напропалую в колодец? Отнюдь нет. Мы спустимся чуть глубже, чем на три тысячи лет, - а что это по сравнению с бездонностью времени? Там у людей нет ни глаз во лбу, ни рогов, и они не сражаются с летающими ящерами: это такие же люди, как мы, если не считать некоторой мечтательной неточности их мышления, а ее им легко можно простить..."

А заканчивается этот абзац на пороге первого романа тетралогии "Былое Иакова" такими словами:

"Откройте глаза, если вы зажмурились перед спуском! Мы на месте. Вот они, глядите, - резкие лунные тени на мирных холмах! Вот она, ощутите, мягкая свежесть полетному звездной весенней ночи!"

До встречи с романом "Былое Иакова".

Иосиф Гин

В Петрозаводске состоялся очередной, уже четвертый, Межконфессиональный круглый стол, прошедший в помещении Карельского филиала "Северо-Западной академии госслужбы" под эгидой Министерства Республики Карелия по национальной политике и связям с религиозными объединениями. (Инициатором проведения подобных "столов" выступила петрозаводская еврейская община два года назад.) Этот Круглый стол был посвящен возможности преподавания основ православия в школах, инициируемое РПЦ. Перед началом разговора по просьбе участников председатель еврейской общины Дмитрий Цвивель рассказал о посещении делегацией ВКРЕ Южной Осетии, в которой он принял участие. Рассказ, сопровождавшийся хорошо выстроенной презентацией, произвел на присутствующих очень сильное впечатление.

Разговор по основной теме вызвал большие разногласия. Присутствующие, в своем большинстве, высказались против такой постановки вопроса, сославшись на статью 14 Конституции Российской Федерации: "никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной" и статью Закона РФ об образовании ст. 2.4., предусматривающей "светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях". Все согласились о необходимости просвещения в религиозной области, но основа должна быть культурологическая, охватывающая все религии, с подготовкой для этих целей педагогических кадров.

Вел дискуссию начальник отдела Министерства РК по делам национальной политике и связям с религиозными объединениями Виктор Бирин (на снимке).

На прошедшей в Петрозаводске III научно-практической конференции "Толерантность: искусство жить вместе" на секции "Институт семьи: национальные особенности в формировании и развитии культурно-нравственных базовых семейных ценностей и традиций" выступил председатель еврейской общины Дмитрий Цвивель. Он рассказал о традициях еврейской семьи, воспитании личности и связях с историческим прошлым, о нравственных ценностях еврейского народа. Большой интерес вызвала фото-презентация обряда хупы, с комментариями Д. Цвивеля, который затем ответил на многочисленные вопросы.

Еврейская община имеет честь поздравить с Юбилеем!

БРАВОГО ЯКОВА НАУМОВИЧА

Желаем здоровья, бодрости духа и до ста двадцати!

Чайная кухня

Хоментошен

Для теста: дрожжи - 75г; вода - 1/4 стакана; молоко - 3-4 стакана; мука - 5 стаканов; сахар - 3/4 стакана; соль - 1/2 ч.л.; яйцо - 3 шт.; масло растопленное (сливочное) - 1 стакан.
Для начинки: мак - 2 стакана; молоко - 1 стакан; мед - 3/4 стакана; лимонная цедра - 1 ч.л.; изюм (без косточек) - 1/2 стакана

Мак опшарить, пропустить через мясорубку или растереть в ступке. Смешать с молоком, медом и варить на малом огне, часто помешивая, пока не загустеет. Добавить цедру, опшаренный изюм, перемешать и охладить.

Дрожжи развести в теплой воде и влить их в молоко, добавить 1 стакан муки, сахар, соль, взбивая, добавляя по 1 яйцу и под конец масло. Добавить остаток муки и замесить тесто, положить в миску, прикрыть полотенцем и поставить в теплое место. Тесто должно удвоиться в объеме. Выложить его на посыпанную мукою доску, месить 5 минут. Разделить тесто пополам, каждую часть раскатать толщиной в 1/2 см, вырезать кружки или квадраты, на каждый положить начинку и слепить треугольные пирожки. Положить на смазанный жиром противень и оставить, пока не увеличатсядвое. Смазать взбитым желтком, выпекать в умеренно горячей духовке 25 минут при температуре 180 °C, пока не поддумянятся.

Пончикес фун творе

Творог - 400-500г, яйца - 4 шт.; сахар - 2 ст.л.; сода - 1/2 ч.л.; соль - 1/2 ч.л.; мука - 1,5-2 стакана; масло сливочное - 200г

Свежий нежирный творог растереть с яйцами, добавить сахар, соль и, постепенно подсыпая муку, замесить эластичное тесто. Сформировать из теста небольшие шарики и жарить в кипящем масле до золотистого цвета. Готовые пончики можно обсыпать сахарной пудрой. Потроха, яйца и зеленый лук (или репчатый) мелко нарезают, все перемешивают, солят и поливают курнным жиром.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**ЦАРИ СУДЯТ ВЕСЬ МИР,
НО ЦАРЕЙ СУДЯТ МУДРЕЦЫ.**

Соломон Габирол

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

**БРАВОГО
Якова Наумовича**

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!